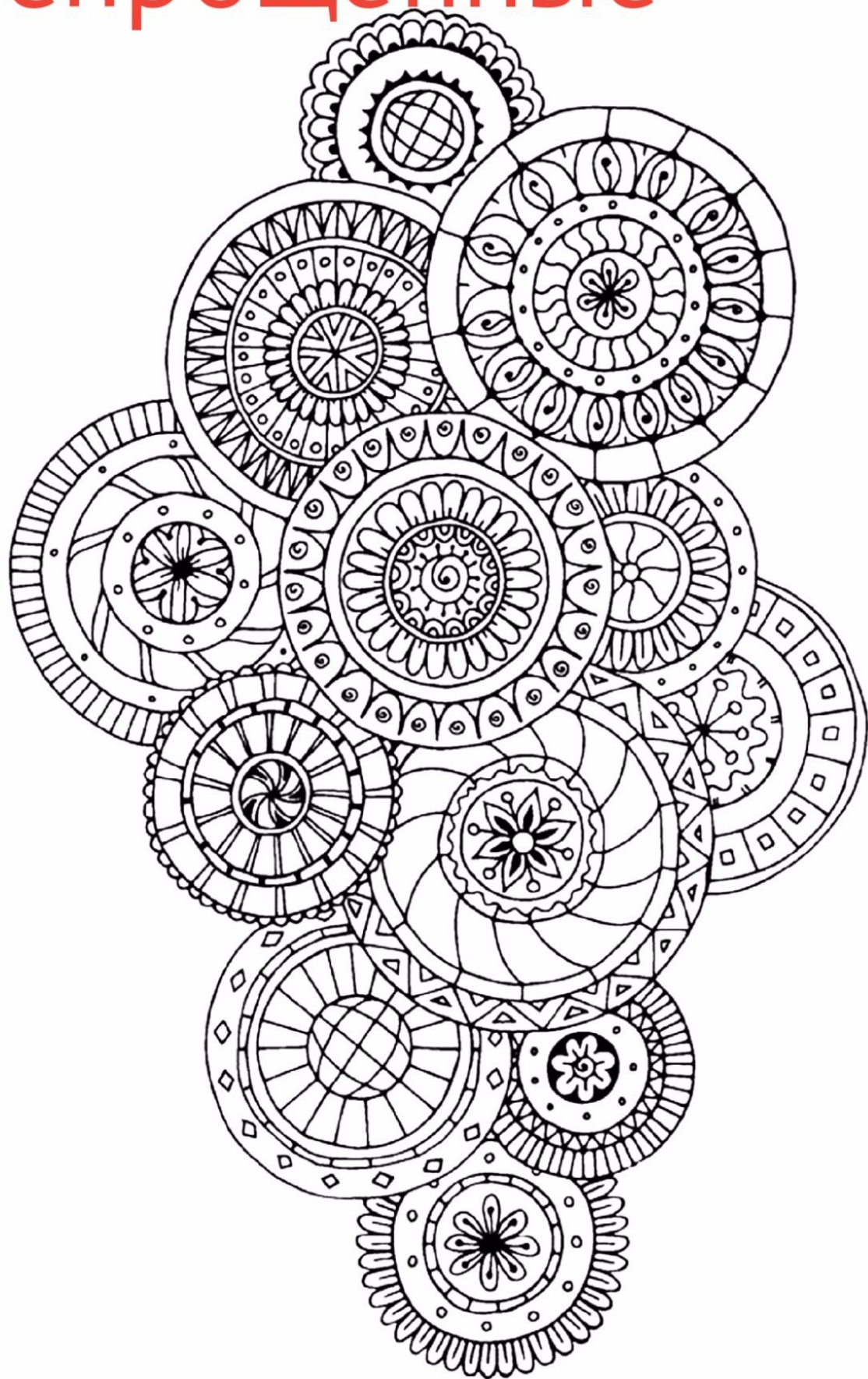

Непрощенные

Александра Мойзых

Александра Мойзых
Непрощенные

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мойzych А. Е.

Непрощенные / А. Е. Мойzych — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эй, дети 90-х, давно ли вы вспоминали свою юность? Перед вами еще один откровенный рассказ о тех временах, когда мы были юны, угловаты, неопытны, прекрасны и не боялись шагнуть за грань. Секс, наркотики, рок-н-ролл, перемещения во времени и пространстве – в этой книге всего понемногу. О чем еще мой рассказ? Несомненно, о любви. О рождении чувства, его развитии, взрослении, старении и смерти. Когда я говорю «дети 90-х» я имею в виду не тех, кто родился в 1990-ые, а тех, кого воспитало это время, на ком оставило глубокий отпечаток. Большинству героев моего времени сейчас за 30 или даже за 40. Но они по-прежнему в моем сердце. Содержит нецензурную брань.

© Мойzych А. Е., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

НЕПРОЩЕННЫЕ

What I've felt, what I've known,
Turn the pages, turn the stone –
Behind the door, should I open it for you?..
Or are you unforgiven, too?
James Hetfield

Луч

Чайки вздрогнули и поднялись в небо, унося на выгнутых крыльях запах серой воды.

Девочка сидела, прислонившись спиной к клейкому сосновому стволу, не заботясь о майке. Впереди было лето, такое большое и длинное. Оно начиналось в июле и было священным. Запах воды смешался с зеленью осоки, в которую уткнулся носом маленький синий катер.

Девочка ждала ветра.

И ветер пришел, неся впереди себя черные грозовые облака. Дунуло резко. Все побросали дела и побежали вооружаться. Девочка выбрала себе маленькую одноместную яхту «Луч». Она никогда не была единоличницей, но сейчас ей хотелось испытать себя наедине с морем, которым для нее была река Волга.

На «Луч» претендовали еще двое парней, но девочка добежала первая. Те покосились на нее и отправились вооружать «470-ку».

В узкий проем между фронтами неожиданно вылезло яркое солнце и заискрилось по воде мелкими жирными пятнами.

...За кустами дикой сирени стучали в волейбол. Я вооружала луч. Распутала веревку на шкотовом углу, развернула парус с большими красными буквами Л122. вставила гик в отверстие мачты – обычная работа, которую сможешь проделать без ошибок, даже если разбудят в 3 часа ночи.

– Блин, ну Сашка! Я такого ветра здесь не помню. Аккуратнее там! – сказал отец. Он прохаживался по берегу с голубой банкой пива «Левенбрау», в синем спортивном костюме, из воротника которого торчало горло теплого шерстяного свитера, и «адиках» на босу ногу.

...По воде бегут серые полотна ряби. Река как будто закипает. Волнение становится все сильнее и сильнее. Я сижу на борту, ноги – в ремни, открениваю. Тяну на себя румпель и одновременно держусь за него. Борт напротив уходит вниз, из-под него хлещет вода. Полотно паруса напряжено до предела, издает звук, похожий на далекие крики большой одинокой птицы. Я намерена поймать сегодня самые крутые порывы, которые только могут случиться на этой воде.

На небе виден маленький голубой треугольник, со всех сторон стиснутый набежавшими облаками, цвет которых плавно переходит из светло-серого в темно-синий. Края облаков остро очерчены золотым сиянием полуденного солнца. Яхта – технически совершенное создание. В ее конструкции столько изящества, инженерных чудес и потрясающих устройств, что ни один механизм с нею не сравнится. Получив максимум от научно-технического прогресса, конструкция яхты ни на йоту не стала провокацией природе.

Я сижу на борту, чувствую себя на своем месте, на своей бесконечно белой, крайней левой полосе. Лечу вперед. И меня это не волнует, не восторгает. Я отношусь к этому спокойно. Я лучше всего смотрюсь на фоне всевозможного стоячего и бегучего такелажа, мне идет моя

красная парусная куртка, мое лицо – для ветра и солнца, а глаза – для того, чтобы в них без конца отражались вода и небо.

Ветер усиливается. Ходить «в потравочку» – не моя привычка. Я предпочитаю вылезти на самый край борта или вовсе, свесившись за борт целиком, чувствовать, как вода хлещет мне по спине. Иногда я совсем выгибаюсь назад, и на секунду мои волосы оказываются в воде. Потом выпрямляюсь, и теплые струи устремляются за шиворот. Я люблю это ощущение. В сильный ветер вода кажется почти горячей, и лучше вообще не давать спине высохнуть.

Пересекаю участок воды за островом, где ветер чуть-чуть слабее, и поджидаю порывчик. Так ожидает волну серфер, так ждет атаки попавший в зону чужих радаров пилот. Стоит выйти из безветренной зоны – ветер выхватывает из нее парус мгновенно, за доли секунды, а судно за это время успевает пройти каких-то полтора метра... И вот левый борт уже летит над водой, а правый опустился под воду. Травлюсь. Справившись с порывом, снова вытягиваю шкот. Моя рука приросла к веревке. Мы с ней – одно целое.

Сверкнула молния. Медленно начинаю считать: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Гремит гром. Значит, гроза еще далеко. Минут 20 у меня точно есть. За 5 минут еще можно пролететь двумя галсами вперед, а потом минут за 15 «фордаком» вернуться в лагерь.

«Фордак» – он же фордевинд – это курс судна, при котором ветер дует в корму, поэтому парус, натянутый перпендикулярно ветру, наполняется им максимально. Теперь, когда прошло 4 минуты из пяти, я жду удобного момента, чтобы повернуть. Здесь уже совсем другое ожидание, ожидание действия. Я предельно собрана, набираюсь смелости. Мгновение – и начинаю травить шкот, одновременно пересекая линию ветра. Свободный гик делает резкий рывок слева направо, я нагибаюсь, чтобы не снесло башку, потом сразу добираю, чтобы не терять скорости, и снова травлю, когда меня начинает заваливать, но уже в другую сторону.

Когда яхта сделала поворот почти на 200 градусов, все вокруг успокаивается. Ветер дует в корму, парус расправлен, лодка плавно покачивается вправо-влево. Фордак – коварный курс. С первого взгляда – самый спокойный. На самом деле, при сильных ветрах чувствуешь, с какой мощью ты пытаешься играть. Мгновенный порыв ветра с обратной стороны – и парус перехлестнет через лодку. Если при этом не сохранить руль в ровном положении – считай, что ты уже в воде. Если твоя голова, не дай Бог, окажется на пути бешено несущегося гика, считай, что уже без сознания. Так что всегда надо быть начеку. Если же ветер реально крут, то лодку может просто перекинуть через нос... Что со мной и случилось. Это называется «брочинг».

Я больно ударилась об воду. Через доли секунды вынырнула, отфыркалась, огляделась. Лодка лежит вверх дном, мачтой вниз. «Шверт, наверное, плавает где-то под корпусом, – пришло в голову, – он был пристрахован к мачте».

Чтобы поставить «Луч» в нормальное положение, надо для начала вернуть шверт на его законное место. Я сняла спасжилет, кинула его на корпус и нырнула за швертом. Одного нырка хватило, чтобы его найти, второго – чтобы вытащить на поверхность. Узкий, длинный швертовой колодец находится между мачтой и кокпитом. Шверт надо вставлять снизу вверх, из-под воды – наружу, чтобы он торчал из кокпита. Этот процесс занял у меня минут двадцать.

Закончив со швертом, отдышалась. Теоретически, если встать ногами на край корпуса с одной стороны от шверта, взяться руками за шверт и всем своим весом надавить на борт, то лодку можно поставить в нормальное положение. Последовало несколько тщетных попыток. Небрежно залитый эпоксидкой корпус набирал воду, будто в нем было пробойна диаметром в дюйм, становился все тяжелее и тяжелее. Спасать меня никто не собирался. Оно и понятно, я – профессионал. А среди профессионалов существует негласный регламент: сам утони, но

спасай матчасть. Я представила, как отец опустил на сухую землю недопитую банку пива и начал расстегивать на джинсах старый китайский ремень...

Небо и вода слились в единое серое спокойствие. Ослепительно белела «Сайма». Цепи ее якорей казались протянутыми в воду тонкими красными нитями. Начался дождь.

Рафаэль

В актовом зале школы №69 мы репетировали античную пьесу. Девочки выдрючивались на сцене, а мальчишки поставили кресла в несколько рядов, разбегались и прыгали через них, рискуя переломать ноги и хлипкую школьную мебель. Баррикада увеличивалась, количество смельчаков уменьшалось. В конце концов их осталось трое, и только одному из них я желала зла.

Я хотела, чтобы он зацепился за кресла и упал, свалив за собой весь последний ряд, и лежал бы на темном, вспученном от недавнего потопа паркете, словно поверженный рыцарь. Я бы подбежала к нему, схватила неподвижную голову, гладила по волосам... Он прыгнул через три, четыре, остался один, пять рядов – и ушел за руку с самой красивой девочкой класса.

И это была не я.

Кэп

У-у, восьмиклассница!

Мы с Кэпом шествуем по Тверской. Белые штаны со множеством карманов (мы их называли «скиновские») заправлены в Мартинсы, красная толстовка РХЧП, стрижка «Чипполино» с хохолком и короткой челкой – так выглядит Кэп. Почему его так зовут, я точно не знаю. Кажется, это связано с байдарочными походами и какой-то дурацкой кепкой, которую он любил носить.

Бесперебойно гоню всякую муру про школу-друзей-родителей. Ему 19 лет, офигеть, какой взрослый! Ходит на концерты в кинотеатрах, дерется во дворах, бухает в подъездах – в общем, живет той жизнью, которая мне недоступна. Иногда он помогает мне решать задачки, пишет программы на Паскале, в которые я потом с трудом пытаюсь вникнуть. Из-за Кэпа я и хочу поступать в МАИ – 5 курсов и 10 факультетов таких классных пацанов!

Есть еще одна причина, по которой я собираюсь в МАИ. Мне повезло с отцом – будучи молодым специалистом, он стал капитаном одной из яхт в Маевском яхт-клубе «Буревестник». Когда из молодого специалиста отец превратился в зрелого, он перешел на крейсерские яхты, а «Солингом» (так мы звали яхту) завладели студенты. Я очень переживала по этому поводу, так как за долгие годы привыкла считать это государственное маломерное судно своим. Мой дьявольский план был таков: поступить в МАИ, чтобы пойти в яхтклуб, чтобы попасть в команду «Солинга», чтобы стать ее капитаном. Родители, однако, выбор не одобряли. Я хорошо знала английский, меня прочили в переводчики и замуж за дипломата. Всю эту горькую правду я на ходу впаривала Кэпу.

– Вот ты мне все это рассказываешь... А на хрена ты мне все это рассказываешь? Ты говоришь, что у тебя по географии трояк, а мне на это просто наплевать. Прикольно, да?

– Прикольно, – соглашаюсь я, абсолютно забыв про чувство собственного достоинства. Мысли вроде «как он ко мне относится?» мне пока еще недоступны. Главное, что я иду с ним рядом (елочки, вот громила!), он что-то говорит, он выше меня на две, а может, и на три головы. Важно, что он любит группу «Алиса», недавно ходил на их концерт и дрался потом со скинами.

Несколько дней назад он позвонил и спросил:

– Не поможешь ли ты мне?

Мы пытались выследить каких-то типОв, которые кинули его на велосипед. А велосипед, между прочим, был взят напрокат у какой-то его знакомой девахи. Я надела единственное имеющееся платье и кеды, ибо туфель не было. Замерзла, и Вовка (так его иногда величали родственники) накинул на меня свою сине-черную штормовку, в которой я утонула. В общем, тот еще был прикид.

Так о чем это я? Нет, никого мы, конечно, не выследили. Прошатались впустую по дворам. Но я не расстроилась.

И вот теперь снова. Ему надо к другу, мне домой, делать уроки. Нам вроде бы в разные стороны.

– Прикинь, – вдруг говорю я, – сидим вчера с чуваком, курим «испанку» и вдруг...

Замечательно, теперь Кэп даже проводит меня домой и весь двор (!!!) увидит, как он стоит и о чем-то разговаривает со мной у подъезда. Мне уже неинтересна прогулка, я только этого момента и жду. Может, попробовать поцеловаться с ним на прощанье? Для этого мне придется встать на цыпочки, и то я не дотянусь.

Ну ладно, понятно, зачем я с ним гуляю. Но я-то на кой хер ему сдалась? Испанской ганджи достать негде? Я ж уже ему все обещала. Мог бы просто договориться, где и когда, и уйти.

– Так где и когда? – спрашивает он у подъезда.

– Давай созвонимся, – отвечаю я, сканируя двор на предмет чужих глаз.

На скамейке сидит компания. Не знакомые. Жаль. А говорят, даже у холмов есть глаза.

– Хорошо. Я позвоню тебе вечером.

– Завтра.

– Что завтра?

– Позвони мне завтра вечером.

– Тым-тыдым-тыгыдым. Хорошо.

На этом мы и расходимся. Вообще меня только-только начинают интересовать мальчишки. В смысле не «поибаццо», а как люди. То есть они встают где-то между кассетами «Алисы», компьютерной игрой Fallout 2 и книжками Асприна. Мне становится интересно в процессе трехсуточного просиживания жопы в виртуальной реальности пойти погулять с Кэпом. Однако есть все-таки мужчина, которого я люблю по-настоящему. Это Костя Кинчев.

Виртуальность

Конец 90-х и начало нулевых – это время, когда мобильный телефон был у одного из десяти. Тем не менее, для нас это было время виртуальной реальности. Чаты и онлайн-игры мне были еще недоступны, но на домашнем компе с хорошим графическим движком была парочка стрелялок и RPG. Компьютер в нашем доме появился в 96-м. В этом же году я первый раз поцеловалась с мальчиком. Дело было в Питере, в яхт-клубе Балтийского Морского Пароходства. Стандартно: какие-то ребята из парусной школы, пиво, «бутылочка». Нестандартным был Финский залив, черный по краям и рыжий там, где он соединялся с небом, ржавые сваи пирсов, четко очерченная железная ротонда кафе, где позже снимался эпизод фильма «Сестры». Там так вштыривало, что я начала писать неплохие по мнению педагогов стихи, выиграла конкурс, поехала в Европу и прославилась на всю школу. Но это все мелочи, главное – море.

Итак, все что нас возбуждало тогда, складывалось из «кис-мяу», «бутылочек», сериала «Вьетнам, до востребования», рок-музыки и компьютерных игр, которые стали для нас второй непобедимой реальностью. Самая соль была в недоступности игры: мама все время отгоняла от компьютера, разрешала сидеть за ним только час в день. Подумать только, что сейчас рядовой гражданин РФ проводит за монитором по 8-10 часов в сутки! И никто не возмущается. А тогда

мама боялась, что мы уйдем в игрушки целиком. Мы и уходили. Сбегали из школы – но не гулять, а за комп. А уж заболеть – милое дело! Мы по полгода болели, а когда нас разоблачали, ломали руки (левые), чтобы не ходить в музыкальную или спортшколу и целые дни проводить ТАМ, в священном мире игры. А игра называлась так, очень подходяще – UNREAL. Наверняка дети девяностых вздрогнут, увидев знакомое имя этого шедевра. Сюжет игры был прост – бегай и стреляй. Но мы жили в этих коридорах, в этих замках, космических кораблях и планетах. Мы даже писали о них песни.

Видишь небо на прицеле?
Видишь красный огонек?

Нам не хватало войны, и мы мочили ботов. А потом, когда приходили родители, часами делились друг с другом впечатлениями по безлимитному городскому телефону.

– Смотри, даешь в проход два выстрела из ракетницы, потом в правый коридор, там хватаешь флак-кэннон и домачиваешь их с близкого расстояния!

– Не, лучше оставить флаку для арены, здесь можно и машин-ганом обойтись.

У меня было несколько любимых карт, я даже помню фамилии разработчиков, а музыка до сих пор живет в Айпode. На карте Facing Worlds, например, было две пустынные красноватого оттенка планеты, соединенные двумя скрещающимися мостами. Вариант игры назывался “Capture the Flag”: надо было захватить флаг противника, который находился под охраной в башне и притащить его к себе на базу – за это получаешь очко. В этом межзвездном мире под тревожный мюзик текла своя жизнь, своя работа в команде, свои любимые и нелюбимые, страшные и нестрашные боты-противники. Ну и конечно, самый кайф был в том, что те стены родной родительской квартиры, в которую я так люблю возвращаться сейчас, были тогда ненавистны, и мы с удовольствием меняли их на настоящую войну и настоящую жизнь с фиолетовым небом, зеленой кислотой и красно-оранжевой лавой. И если мальчик звал меня гулять, а мамы дома не было, я не шла гулять. Ален Делон не пьет одеколон.

Нежность

Кэп очень коротко постригся. «Как зэк», – подумала я.

Была весна, огрызок последнего школьного года. Очень теплая середина апреля. На мне вызывающе синели только что купленные в «Глобал ЮЭсЭй» джинсы клеш с вышивкой на клиньях, светло-сиреневая рубаша не по размеру (ибо куплена там же) и замшевое полупальто – гордость с лондонской барахолки.

Во дворе школы – небольшая детская площадка с железными трубами «лабиринтика». По непроходящей детской привычке я взгромоздилась на них и принялась слушать только что проявившихся из небытия Ночных Снайперов. Это было время новой волны теток в русском роке, которых стремительно и удачно раскручивали радиостанции «Максимум» и «Наше Радио». Альбом Земфиры «Ромашки» мы знали наизусть, а Чичеринскую «Ту-лу-лу» сначала называли попсой, а потом сами же орали пьяными голосами под чужими окнами. Когда и та, и другая порядком поднадоели, нашим жаждающим ушам предоставили «31-ую весну», а затем и полноценный альбом «Рубеж» Сургановой и Арбениной. Вот его-то, сидя на прохладных голубых трубах, я и слушала.

И в это небо
И в эти звезды
И в эту нежность
И в этот ежик
Наяву, наяву, наяву!

И тут меня осенило.

Это ведь про Вовкин «ежик» поет Арбенина! А может, это пою я? Это ведь мое чувство! Мое! Чувство?

Мир сразу же стал другим. Из безмятежного он превратился в трагичный. Однако трагичность его я осознала не сразу, ибо был еще Слава Морозов.

Мороз

Небо, звезды, рек серебро да костров горячая медь...

К. Кинчев

Лет в 14 папа выдал мне замечательную книжку Вильяма Козлова про войну. Главный ее герой, Витка Грохотов, очень мне понравился. И тут, перечитывая от нечего делать на даче эту книжку, я решила, что Грохотов похож на Славу Морозова.

Славка был из тех пацанов, что очень быстро взрослеют. У него были глаза рыси – раскосые монгольские глазища, то серые, то отчаянно синие, как вода в сентябрьском озере в ясный солнечный день. Он был отвратительнейшим подростком. Позволял себе едкие, жестокие, откровенные высказывания – и все кивали и смеялись, и никто не мог послать его на хуй, настолько он был обаятелен и тверд. Мог стащить майку с любой девчонки. А мы любили его, презирали и ненавидели одновременно.

Вместе мы ходили на сборища толкиенистов в Нескучный сад по четвергам. У меня была деревянная катана и короткий гладиус, по слухам и каким-то дешевым фентэзи, оружие друидов во времена короля Артура. Славка был недоступен, как любой четырнадцатилетний, когда тебе шестнадцать. Приходилось встречаться с теми, кто постарше, чтобы не ударить в грязь лицом перед подругами. Связь с ним казалась запретной, даже невозможной.

Несколько сезонов подряд на осенние каникулы мы большой компанией детей и родителей мотались в Крым – побродить по пещерным городам, посмотреть на ноябрьские звезды, просто побыть вместе. Ехали на поезде до Бахчисарая, ночевали под Чуфут-Кале, утром лезли наверх, в крепость. Там ловили ртом и носом свежие воздушные массы, пришедшие с Черного моря, грелись под останками солнца, валялись в сухой колючей траве, пытались друг другу понравиться и делали вид, что нам наплевать.

Зимой одиннадцатого класса мы ездили кататься на лыжах по лесу, но уже вдвоем, без свидетелей. Часто по несколько раз в неделю и в учебное время. Я всегда любила зимние елки. Иногда с нами ездила Славкина старшая сестра. Она глядела на брата, склонив голову набок, улыбалась и говорила: «Эх, такого бы мальчика!». Я молча с ней соглашалась.

Однажды в начале лета мы поехали с ним на байдарке. Он, я и его друг. Парни ведь всегда берут с собой друзей, когда боятся остаться наедине с девушкой. Я как раз только приобрела замечательный бикини в разноцветную полосочку. И вот плывем мы втроем по коричнево-зеленой реке Истре, словно по вьетнамским джунглям, мальчишки гребут, я сижу посередине и глазею по сторонам в поисках крокодилов.

И вдруг началась жуткая гроза. Молнии, гром. Берега отвесные, градусов под шестьдесят, и все в мокрой крапиве. То есть единственное растение, которое росло на этих склонах, была крапива.

Совместными усилиями мы пришвартовали байдарку и, цепляясь за то, что росло на склоне, вылезли наверх как раз в тот момент, когда дождь кончился и солнце косыми лучами, еле пробивающимися через приовражные кусты, осветило наш маленький мир. Мир, в котором было очень холодно в новом полосатом бикини. Было принято коллективное решение разжечь костер. На растопку Славка волевым решением пустил мой учебник истории. Пройдя этот

несложный тест на выживание, мы через каких-то полчаса наворачивали макароны с тушенкой и чувствовали себя героями.

Однако на этом наше романтическое путешествие не закончилось. Гроза, на самом деле, застала нас в самом начале маршрута, а впереди было еще несколько похожих друг на друга и слившихся воедино часов утомительной ночной гребли. Мобильников тогда еще не было, родителям было обещано вернуться до ночи. Да и ночевать было особо негде – ни палатки, ни еды, ни водки. Пришлось грести до победного, то есть до шоссе, на котором нас уже полночи ждали родители Славкиного друга. Довольные, что нас не съели волки и крокодилы, мы завалялись на заднее сиденье «девятки» и Славка вдруг очень-очень крепко меня обнял.

– Немедленно – я сказал – немедленно!! выезжай домой!! – орал в телефонную трубку отец.

– Пап, ну как я приеду, метро уже два часа как закрылось!

Трубку из моих трясущихся рук взял отец Славки, дядя Али. До этого он сидел перед телевизором и размеренно поглощал «Балтику Тройку», ящик которого отдыхал возле его старенького кресла.

– Жень, ты че, охуел? – задал он вполне резонный вопрос. – Никуда она сейчас не поедет... Что? Ну давай, езжай, только я тебе – ик! – дверь не открою.

Мы со Славкой сидели на первом ярусе их с младшим братом двухэтажной кровати с видом двух загнанных в угол и поджавших уши суповых кроликов.

– Все, идите есть, – объявил дядя Али.

Ох, какими же вкусными были сваренные тетей Леной пельмени из магазина!

И какой мягкой была кровать, в которую нас отправили Славкины родители! Полюбас других кроватей в доме не было, сверху спал маленький Мишка.

Как только тетя Лена выключила свет, я почему-то со страхом выскочила из кровати и уставилась в темноту окна. Как будто в отчаянии схватила за занавеску, сжала ее в кулаке. Всегда тяжело избавляться от воздушных замков, заботливо выстроенных бессонными ночами в ожидании романтических рассветов. Недолго думая, Славка подошел и крепко прижал меня. Именно прижал, впиваясь всеми пальцами мне в живот. Быстро сориентировавшись, пробрался под майку, пересчитал ребра, схватился за грудь со всей подростковой жадностью.

– Осторожно, Слав, меня же не отбирают! – напряженно прошептала я.

– Конечно, куда ты денешься!

Через какие-то минуты мы уже снова были в кровати, и я металась между ним и стеной, отворачиваясь одними частями тела и подставляя другие, и чувствовала внутри себя такое счастье, что давало возможность взлететь между спящими под дождем весенним домами. Он искушал мне все губы, нежности не было, но была власть. Господи, и откуда она бралась в нем? Почему у одних есть, а у других нет?

Не он, просто одно его присутствие прижимало к кровати. А дождь за окном все лил и лил. Наутро прекратился. Я влезла в старые обрезанные джинсы и Славкину черную майку «Металлика» с надписью “The God that Failed”, потому что своей не нашла. Славка еще спал. Все остальные были на работе. Проходя мимо зеркала, я поглядела на себя и чуть не заплакала.

О Господи, – думала я, – ну разве нормальные девочки так одеваются? Я глядела в зеркало, и то, что я в нем видела, вызывало лишь жалость и презрение – разодранные коленки, растрепанные волосы, черная Славкина майка и засосы на шее. Гордо торчали вверх лишь искусанные соски.

По выходным наша крымская компания выезжала с палатками в Подмосковье. Чаще всего на Истру. Палатки ставили на холме, среди высокого светлого леса, пели, много и под гитару, на неровной, но уже вытоптанной полянке натягивали сетку, играли в волейбол.

Заезжали на машинах, тех, кто не мог по грязи проехать, всем скопом вытаскивали. Потом разгружали багажники и начинался настоящий лесной пир. В один из таких выездов мы, еще не успело стемнеть, украли из-под стола недопитую коробку вина и занялись в палатку.

А дальше – как всегда. Пьяные поцелуи, желание убежать, прогулки по буеракам, болота, речка, звезды. Или дождь, но похуй. Все для того, чтобы потом найти свободную палатку и там... А там был Серый. Наш общий друг, жаждущий общения. Мы влазим, отряхиваемся от репья и иголок, в конце концов скидываем одежду – и в спальник. А Серого – за вином, конечно. И, вся в радости мужского тела, я погружаюсь в море ночи. Серый возвращается слишком быстро, приходится пить вино и слушать Славкины тупые шуточки.

И все-таки, он был героем, этот Морозов. Изучал физику, как зурбаганец, целился в Курчатовский институт. Славка какой-то силой, словно чудовищный магнит, притягивал не только девок, но и гопников, причем не по одному, а стаями. Вечно ходил раскрашенный. Однажды, когда я уже училась в МАИ, а он посещал курсы при Курчатнике, мы (и не забываем его друга, как же без него) встретились на Щуке, чтобы погулять в Строгино. Через три минуты нас уже атаковали. Димке разбили очки, но мы бежали так быстро, что нас не смогли догнать даже четыре здоровых, еще не слишком пьяных и поэтому злых амбала. И бежали, между прочим, аж до самого Маевника – путь неблизкий.

Как настоящий олдскульный физик-лирик, Славка любил барда Щербакова и, почти не фальшивя, а главное, не забывая слов, пел:

Я все раны залатаю
И оставляю, пролетая,
Я дарю вам, золотая,
Восемнадцатый февраль.

Мне все грезилось, что когда-то, почти скоро, через каких-то пару лет, настанет мой восемнадцатый февраль, и когда он настал, Славка, кажется, пел эту песню... Но он уже отрос-тил щетину, длинные волосы и стал похож на всех остальных будущих ядерщиков. А потом он приезжал на Волгу, снова в окружении друзей, они садились возле моей палатки и орали:

Эй, подруга, выходи послушать рок,
Я специально для тебя магниту приволок!
Ну а коль не выйдешь ты, то учти, ядрена медь,
На весь хутор под гитару песни матом буду петь!
Возле дома твоего...

Но это все было уже потом, после еще одного Крыма, когда я бросала курить, а Славка пел, дразня, «Пачку сигарет», где мы бегали по Эски-Кермену, вспоминали казаки-разбойники и пытки угольками (где каждая из нас, набросившихся и связавших его, хотела поставить на его теле свое клеймо), где все остальное осталось за кадром.

Это было уже после счастливейшего байдарочного похода по реке Угре, спонтанно несущей воды по Смоленской и Калужской областям. В то лето, после первого курса, я не поехала в горы. То ли из-за себя, то ли из-за своего молодого человека, не похожего на меня, спокойного парня-художника. Но вырваться хотелось, и когда друзья позвали меня в байдарочный поход на недельку, я согласилась. Купила кеды, взяла у Андрюхи шикарные штаны Protest и

кучу маек (все майки у нас, кажется, были на двоих) и села со всеми в деревянно-солнечный вагон до Калуги.

Мы плыли потихоньку, не напрягаясь, лагеря ставили недалеко от ларьков. Пока одни занимались костром и палатками, другие отправлялись за пивом. И только один простой момент застрял у меня в памяти. По словам Шуберта, женщина, как хорошая пьеса, должна заканчиваться четко. По мне, так мужчина – тоже. Кристально, ясно и чисто.

Вот мы идем по пыльной сельской дороге. Желтое августовское солнце клонится к закату, в рюкзаках булькает пиво. С нами еще человек пять – братья-близнецы, Юлька и Сонечка с отцом. Сонечка – худая, загорелая, за лето совсем стала походить на подростка. Справа – частокол из молодых чистеньких берез, слева извивается темно-синяя речка. Проходим мимо старой жестяной звезды за голубым забором. Таких памятников много по израненной Смоленщине.

Димка красив – азиатские глаза, четкие беличьи брови, стройные плечи, темные джинсы на тугом армейском ремешке со звездой, клетчатая ковбойка, светло-русые, густые, чуть лохматые, на пробор волосы.

А по ночам мы любили фотографировать звезды. Нет, никто никого не убивал. Мы просто валялись в траве и смотрели вверх. А река дымилась туманом, рождала маленькие приведения, и вместе с ними, чисто за компанию, мы тоже становились нематериальными. Мы убежали вдвоем, как мне и хотелось, и шастали по пояс в мокрой траве, и непонятно было, что дороже, он или эта мокрая трава, но они не могли существовать друг без друга, и в конце концов он повалил меня в траву, а как же иначе... И трава, эта настоящая осока на пересошем грунте была такой жесткой, и мы валялись в ней, и напрасно.

– Слав, что ты делаешь?

– Известно, что.

– Слав, я не хочу.

– Что значит «не хочу»?

– Я не хочу, чтобы так.

– Так – это как?

– Слав, стой... Давай... – Я вылезла из его объятий. – Давай будем друзьями.

Он вдруг отстранился, как будто было сказано какое-то волшебное слово, какое-то заклинание. Выпрямился под луной во весь рост. Застегнул куртку. Я продолжала сидеть, шупая за спиной ладошками землю.

– Ну так что?

– Ты меня спрашиваешь?

Это была лучшая ночь из всех, что можно было придумать. Полнолуние, холод, туман. Как будто дыхание неба касалось земли. И он стоял, будто Питер Пэн, такой свободный, лунный, с заостренными чертами, и смотрел по течению реки. Я поднялась с земли и протянула ему руку.

– Ну так что, peace, brother?

– Да, – ухмыльнулся он, я как раз хотел это сделать.

И, расстегивая ширинку, отвернулся к кустам.

Тамерлан

Do anything, oh my sweet sixteen...

Billy Idol

I suddenly find myself сидящей на капоте трехлетней праворульной Субару цвета «темный баклажан» в компании четверых таких же, как я, девиц – все в рваных джинсах, майки и топики – кто во что горазд, руки в феньках. На ногах, конечно, кеды. Тимур заправляет машину, мы пьем пиво и курим сигареты.

– Эй, не курите на заправке!
– А мы не затягиваемся!
Те, кто не курит, сосут чупа-чупс.
В машине играет:
Лола – королева рок-н-ролла,
Для тебя проблемы пола
Не существовало.
Лола – дочь латышки и монгола,
В комитете комсомола
Весело бывало!

Да, Лола, безусловно, королева, но мы круче. Флегматичная и улыбчивая красотка Анята, Сонечка в выгоревшей майке «со Скорпами», совсем не похожие друг на друга эксцентричные сестры Вартаньян. Мы едем на Волгу, в студенческий лагерь парусной секции МАИ, хотя Тимур давно не студент, а мы еще не зачислены. Мы еще не знаем, что такое сессия, деканат и любовь, но знаем, что такое секс, наркотики, рок-н-ролл.

Больше всех радуемся, конечно, мы с Анечкой. Каждый сезон мы строим планы по охмурению Тимур-Андреича. Он, конечно, женат. Но иногда приезжает на Волгу без жены. И это – большая удача.

Мы с Анятой дружим лет с одиннадцати. Несмотря на то, что я всегда была взбалмашной девочкой-мальчиком, а она – красивой ленивой барышней, я очень привязана к ней. Впрочем, она ко мне тоже. Мне вечно ее не хватает, она рыба, я телец, и это в принципе все объясняет. Сначала я страшно ревновала и переживала, если она (что бывало, но редко) не желала пускаться со мной в наши детские приключения. Но вскоре эти приключения приобрели характер, который устраивал обеих. Мальчики. Нашим любимым занятием было знакомство с парнями, посиделки, совместное распитие спиртных напитков, обжимания, обещания – и срулить в самый последний момент. Потом вдвоем удирать, часто бегом и с приключениями, и еще неделю шептаться об этом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.